

Александр Ф. СКЛЯР:

Не хочу быть обезьяной!

Известия - 2000 -
17 февр. - с. 10

О группе «Ва-банк» нынче только и разговоров: совместный альбом с Виктором Пелевиным — не фунт изюму. «Ва-банкером» такое внимание выпадает нечасто: вот уж почти 14 лет они рубят свой радикальный рок-н-ролл, но популярности нет как нет — классическая группа второго эшелона. Не то их бессменный лидер, Александр Ф. Скляр: за долгие годы он стал фигурой публичной. Занятные сольные проекты, телепрооявления, собственная еженедельная радиопередача — помимо прочего, Александр превратился в сущего гуру для той части молодежи, что любит так называемую экстремальную музыку всех оттенков. Он создал целое движение «Учитесь плавать», вывел в люди немало число музыкантов из провинции, на его совети фестивали, мощные акции, гастроли западных звезд. Хриплый, обаятельный мужчина — с ним и беседует корреспондент «Известий» Алексей МУНИПОВ.

— Меня всегда особо интересовала история о том, как преуспевающий молодой дипломат Скляр бросил все ради этого сомнительного рок-н-рольного ремесла. После МГИМО, после службы в Северной Корее...

— Да, и еще полтора года этой самой службы в Москве. Искус был, конечно, серьезный: я уже состоялся как дипломат, выжил в этом клубке змей. Более того, довольно рано получил первый дипломатический ранг — всего за год пребывания в Корее, причем не прилагая абсолютно никаких усилий. А обычно на это уходит 5—6 лет. Меня просто кармически затягивало туда!

И мало того. Когда я возвращаюсь в Москву, случается еще один казус. Я уже принял решение, что ухожу из МИД, потихонечку готовлю платформу... И вот на очередном приеме, который устраивают корейцы, перевожу речь Воротникова, запредельной шишки. И от неуверенности в своем знании языка, который я за все годы так и не выучил, делаю это настолько громко, уверенно и четко, что корейский посол, которому эта речь предназначается, решает сделать комплимент Воротникову: мол, как переводчик хорошо донес ваши слова. И Воротников у начальника тогдашнего моего спрашивает: а кто, собственно говоря, переводчик? Ага, атташе такой-то. А что это он всего лишь атташе? И вот я уже без пяти минут третий секретарь — и все бросаю.

— А почему?

— Ну как? Жизнь-то одна. Я понимал тогда только одно: нужно вырваться из этого дерьма лживого. Дело не в музыке даже — просто хотелось наружу.

— В белый свет?

— В белый свет. Как у Высоцкого: «Мне вчера дали свободу, что я с ней делать буду?». А что делать, я решил довольно быстро. Если ты вырвался из максимальной официальной структуры, то куда идти-то? В максимально неофициальную. В рок-н-ролл то есть. И не просто рок-н-ролл, а максимально андеграундовый рок-н-ролл — такой, чтобы чертям стало тошно. Поэтому тогдашний «Ва-банк» никто и не понимал. Как это — бывший дипломат играет панк? А когда панк играют пэтэушники — это нормально. Ха, очень легко быть революционером, пока у тебя нет искушения большими деньгами, властью... А ты попробуй стать революционером, продав пять миллионов пластинок или получив первый миллион долларов!

— Ну а стоило ли? Ведь за все это время вы так и не стали популярными, в первую лигу не пробились...

— А стоит ли вообще в массовом искусстве вырваться в высшую лигу? Вопрос... Вот всем своим 14-летним существованием мы на него и отвечаем. Ведь что для этого нужно? Рецепты в принципе достаточно просты. В нашем ремесле для меня нет уже никаких секретов.

— Ой ли?

— Абсолютно. Просто нужно постоянно подогревать интерес к своей персоне. За счет чего? Все большего раскрытия своего внутреннего мира. Культурный герой, массовый герой живет наизнанку. Ни одного закоулочка в душе не должно остаться. Это закон.

Надо давать пищу для разговоров — удобоваримую пищу. Должны быть телеэфир, радиоэфир, клипы, хиты. Твоя персоне должна возбуждать постоянный интерес журналистов. Придется менять имидж, говорить какие-то странные вещи.

В общем, ты должен носить на себе постоянную маску — маску интересного человека. И, по большому счету, ты должен стать обезьяной. Если ты не становишься обезьяной, то ты никогда не станешь фигурой первого эшелона, ни-когда!

— Но и вы тоже появляетесь на ТВ, «Ва-банк» крутят по радио...

— В этом и есть вся фишка. Я никогда не переступал эту грань. Был рядом, но не переступал. Этого, видите ли, сложнее всего добиться.

— И что же, такое положение вас устраивает?

— О да, абсолютно. Я востребован, мне есть на что жить — и я могу выбирать! Выпускать ли мне сольную пластинку или залечь с книжками на пару месяцев. А вот становиться свадебным генералом на торжественных массовых церемониях я не хочу.

Просто все эти вещи здорово затягивают. Время такое — слишком много искушений. Прелести. Зачем мне думать, искать — вот же Интернет, залез на сайт публичной библиотеки, где все книги есть... И ничего ты там не найдешь! Потеряешься в массиве текстов. Сколько, кажется, сейчас редких манускриптов, да все можно достать — эзотерика, магия... А настоящий алхимик на весь двадцатый век всего один. Один! А сколько их было в XII, XIII веке?

— Думаете мерить время количеством алхимиков?

— А чем еще его мерить? Не политиками же.

— Творческими людьми?

— Не зна-аю...

— Хотя, и впрямь гниловатая мерка.

— Вот-вот.

— А молодежным гуру быть нетягостно?

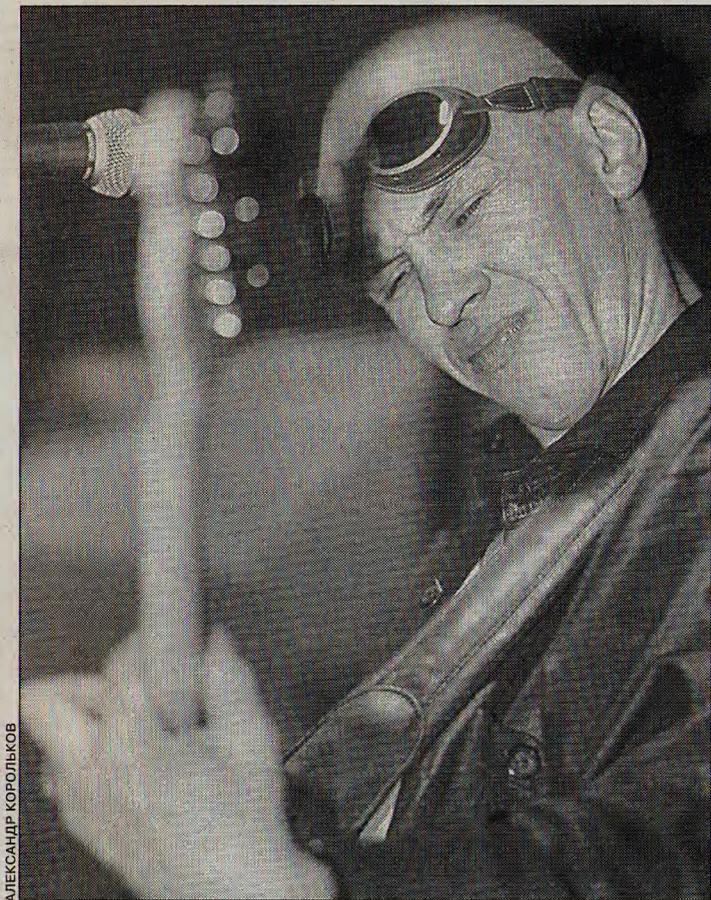
— Да, честно говоря, эта роль меня несколько утомила. Все менее и менее интересно каждую неделю на протяжении двух часов себя озвучивать. То, чем я внутренне занимаюсь, не может, не должно являться достоянием широкой аудитории, а передача изначально построена на искренности. Значит, чем больше я ухожу внутрь себя, тем меньше остается того, что я могу выдать на публику. И я неизбежно становлюсь все менее и менее доступным, а пресловутые два радиочаса оказываются не глубинные, а поверхностные. Они честные, но эта честность все уже и уже, полоска все тоньше и тоньше. Поэтому я сейчас потихоньку пытаюсь уйти с радио.

— Делиться наработанным внутренним опытом, значит, не желаете?

— Почему же. Результаты своей работы я буду транслировать в своих пластинках. Так гораздо искуснее и тоньше.

— Но вообще есть что-то странное в том, с каким жаром серьезный, немолодой уже человек пропагандирует экстремальную музыку, и много лет.

— Если бы не я, был бы кто-то другой. Так сложилось. Считайте, что я был медиумом, абсолютным медиумом. Начав вести эту передачу, я, ей-богу, сам переродился, оказавшись причастным к пульсу всей неконформистской мировой культуры. И в результате у группы «Ва-банк» началась вторая молодость — ведь по логике развития мы уж давно должны были умягчаться, влиться в мейнстрим. А мы такой хардкор заиграли! Другое дело, что неестественно 40-летнему мужику все время играть музыку двадцатилетних.

АЛЕКСАНДР КОГОЛЬКОВ

— Да и предпочтения, видите, другие: сигары там, коньяк, диваны кожаные. Какой уж рок-н-ролл.

— Нет ничего более печально, чем старые дядьки, которые рядятся в тогу молодежных кумиров. Поэтому «Нижняя Тундра», наш новый альбом — совершенно немолодежный. И он переломный для нас — после предыдущей пластинки, которая, как ни крути, немного старпёрская. А здесь мы добавили электронику, все совсем по-другому.

— Знаете, Александр, если честно, электроника у вас тоже вышла старпёрская.

— Да? (несколько снижает). Ну, мы за модой не гнались. Для «Ва-банка» это все равно революция. Если бы «Роллинг Стоунз» заиграли сейчас как «Продиджи» — да их бы на смех подняли!

— Да и рассказ-то... Все эти пелевинские игры как-то заметно перестали быть актуальными, вы не находите? Время русские, вообще все его любимые темы и герои теперь не в фокусе.

— Ну так с того момента, как был написан рассказ, прошло три года. Мы просто долго не

могли выпустить диск. Лично для меня в этом рассказе вообще неважны все реалии или нереалии. Здесь было интересно одно: как сделать к рассказу саундтрек? А о Пелевине я не хочу говорить, потому что сейчас стало общим местом его клевать. Но писатель-то вообще начинается романа с четвертого-пятого! Так же, как музыкант — с первой тысячи концертов. Поэтому Виктор и ограждает себя так тщательно от бесед с журналистами. Где он сейчас?

— В Южной Корее, насколько я знаю.

— Почему он туда поехал?

— Бог ведает.

— Я вам скажу. Он уехал, чтобы, не дай бог, не втянуться в эти идиотские игры, связанные с выборами. Взял и выкинул себя на три месяца, пока выборы не пройдут. И я ему безумно завидую. В любом случае, уверяю вас, о Пелевине еще рано говорить.

— А о Скляре? Вы уже отыграли свою тысячу концертов?

— Нет пока. Около девятисот уже есть. Так что и я пока не вполне сформировавшийся музыкант. Неофит в какой-то степени. Через годик приходите — побеседуем по-другому.